

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XIII

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАСЕЙНА
ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Е. В. Ревуненкова

**ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
СЮЖЕТЫ В МАЛАЙСКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ
ПРОИЗВЕДЕНИИ «СЕДЖАРАХ МЕЛАЙЮ»**

Начиная с XIV в. и на протяжении почти пяти веков одно за другим в различных малайских княжествах создавались произведения на историческую тему — «Повесть о пасайских раджах», «Малайская история» («Седжарах Мелайю»), «Повесть о Махавангсе, или История Кедах», «Повесть о земле Джохорской», «Родословия князей Риау», «История Келантана», «Родословия перакских князей», истории Аче, Паханга и, наконец, в XIX в. хроники знаменитого малайского историографа раджи Али Хаджи бин Ахмада. Содержание большинства из них ограничено событиями, имевшими место в отдельных малайских княжествах, но каждое является неотъемлемой частью непрерывающейся общемалайской исторической традиции.

Ни одно из перечисленных выше произведений не обладало таким широким историческим размахом, такой монументальностью и такой силой художественного воплощения, как «Седжарах Мелайю», описывающая историю прежде всего Малаккского султаната.

За сто с небольшим лет своего существования (1403—1511) г. Малакка превратился в политический центр могущественного султаната, который в XV в. стал первостепенной державой в Юго-Восточной Азии, сумевшей вовлечь в сферу своего влияния весь Малаккский полуостров и обширные области на Суматре. Малакка являлась также центром малайской культуры, развитие которой стимулировалось постоянными связями с Индией, Китаем и странами Арабского Востока. Именно в этот период малайской государственности возник особый, обостренный интерес к истории своей страны, к ее прошлому, наблюдалась усиленная работа исторической мысли. Тогда и создается «Малайская история».

Различные рукописи этого произведения неоднократно издавались, целиком и частично. Имеется также перевод его на голландский язык, а отдельных частей — на французский и английский языки. Несмотря на то что о «Малайской истории», особенно относительно текстологических проблем этого памятника, существует больше исследований и публикаций, чем о других произведениях малайской литературы, до сих пор не создан еще критический текст и не выяснено в полной мере его историко-литературное значение. Изучение этого памятника даст представление об основных принципах малайской историографии, о некоторых канонах и традициях, в соответствии с которыми создавались произведения на исторические темы. В настоящей статье будут затронуты важные вопросы малайской исторической литературы.

Наличие около 30 различных списков, созданных в разное время, крайне запутанное и внутренне противоречивое предисловие к тексту —

все это явно свидетельствует о сложной творческой истории этого памятника. Для ее воссоздания необходимо не только тщательное исследование всех имеющихся рукописей, но и привлечение разнообразных историко-литературных памятников. Такая работа еще только начинается, и в настоящее время история самого текста во многом еще складывается из гипотез и догадок. «Хотя текст нам известен более ста лет, мы находимся в полном неведении, когда точно он был написан», — говорит видный голландский исследователь Р. Роолфинк [32, 302].

Но уже сейчас можно предварительно восстановить некоторые этапы создания этого произведения, а также происходившие с ним трансформации. Исходя из самых общих сведений о «Малайской истории», можно выделить два периода в ее существовании: 1) период формирования, складывания произведения, или авторский период; 2) период распространения и изменения его в списках, или редакционный период.

Крупнейший английский малаист Р. О. Уинстедт, исследовавший (не затрагивая проблемы различных списков и их взаимоотношений) содержание «Малайской истории», пришел к выводу, что памятник был создан в конце XV — начале XVI в. при дворе последнего султана Малакки — Махмуд-шаха (1488—1511) [44, 27]. Однако сведения о правлении последнего султана могут говорить лишь о заключительном этапе работы над старейшей частью произведения. Целый ряд соображений заставляет усомниться в правильности предположения Р. Уинстедта. Так, султану Махмуду в произведении уделено не больше внимания, чем его предшественнику — Мансур-шаху (1459—1477). И, самое главное, рисуется Махмуд совсем не верноподданнически — избалованным и любвеобильным, склонным к мистицизму, не слишком одаренным в государственных делах и нередко попадающим в комические ситуации. Иное отношение к Мансуре, наделенному красотой, гуманностью и справедливостью, именно перед ним автор испытывает подлинный пиетет. Из текста «Малайской истории» явствует, что именно в царствование этого султана были сделаны основные завоевания Малаккского султаната, был установлен мир с Сиамом, Малаккский султанат приобрел те границы, которые удерживал вплоть до прибытия португальцев. Исходя из всего этого, вполне можно предположить, что основной состав памятника был создан при дворе Мансура. Дополнительное подтверждение этому мы находим в предисловии к одной плохо сохранившейся рукописи «Малайской истории», хранящейся под № 68 в Королевском азиатском обществе в Лондоне. В ней говорится, что это произведение обсуждалось на заседании государственных высших чиновников в 887 г. хиджры (1482 г.), т. е. спустя всего пять лет после смерти Мансур-шаха и за шесть лет до вступления на престол Махмуд-шаха [46, 37].

Отдельные части «Малайской истории» можно датировать более точно. Так, например, рассказ о взятии португальцами Малакки мог появиться лишь после 1511 г., а рассказ о появлении испанцев на Молуккских островах — не ранее 1525 г. Очевидно, что события, относящиеся к истории Пасайского княжества, — основание княжества, междоусобица двух князей (гл. 7), борьба Малакки за освобождение из плена пасайского султана (гл. 22), обращение к пасайским богословам за разрешением теологических проблем (гл. 32) — описывались в период тесных и оживленных связей Малакки и Пасая (конец XV в.), ибо уже в 1524 г. это княжество было захвачено соседним султанатом Аче и название его быстро было забыто.

Однако более или менее точная датировка отдельных частей не дает тем не менее ключа к определению времени создания всего произведения. Ясно, что они присоединялись к уже существующему основному со-

ставу памятника в начале XV в., нарушая стройность и систематичность изложения (так, рассказ о событиях 1525 г. предшествует повествованию о 1511 или 1512 г.).

Само же ядро произведения, уже существовавшее к началу XVI в., также создавалось на протяжении не одного десятилетия. Это строго проследил в своих текстологических изысканиях Р. Роолфинк, который обнаружил протограф этого произведения — рукопись, представляющую собой родословную всех малайских князей с датами их правления [32, 313]. Показав, что все существующие списки «Малайской истории» непосредственно восходят к найденному протографу, Р. Роолфинк, в сущности, подтвердил ранее высказанную В. Линеаном гипотезу о том, что основой «Седжарах Мелайу» явились родословные [24, 107]. Роолфинк как бы подобрал ключ к сложной структуре этого своеобразного памятника, куда включались заимствования из других литературных произведений, письменных источников, фольклорные обработки и постепенно добавлялись рассказы о событиях современной жизни. Поэтому уже в первоначальный период создания «Малайской истории» авторское начало было заслонено, в значительной мере скрыто различие между автором, редактором и переписчиком, что препятствует точной датировке. Возможно установить лишь крайние хронологические пределы двух периодов формирования памятника: первоначальное его ядро было оформлено в конце XV в., дописывалось и редактировалось все произведение по крайней мере до середины XVI в.

При изучении второго, редакционного периода большое значение имеют сведения, сообщенные в предисловии к памятнику. Из них выясняется, что он был создан в 1612 г. в Джохорском султанате (южная оконечность Малаккского полуострова). Правда, в том же предисловии говорится, что предлагаемое произведение — вторичный текст; это следует из предложения: «Я слышал, что из Гоа привезли повесть о Малайе. Следовало бы нам восстановить ее» [33, 1]. Фраза об «Истории из Гоа» породила различные гипотезы и предположения [см. 17, 14; 32, 310—311], но все они едины в одном: рукопись «Малайской истории» после захвата португальцами Малакки была вывезена, а затем через 100 лет возвращена и оказалась в Джохорском султанате, где обосновались потомки малаккских султанов. Былая мощь и прошлое величие Малакки продолжают стимулировать развитие малайской литературы, центром которой в то время был двор джохорских султанов. В этот период короткого расцвета малайской государственности вновь пробуждается интерес к «Малайской истории», но, выполняя волю нового патрона — джохорского султана, служить она должна была уже новым политическим целям. Об этом свидетельствуют некоторые эпизоды и акценты памятника, по-иному освещающие ряд исторических событий [см. 44, 28—34], а также показ тесных родственных связей джохорских султанов с малаккскими [см. 22, 241] с целью обосновать притязания Джохора на земли, принадлежащие когда-то Малаккскому султанату в Малайе и на Суматре. Сознательные и целенаправленные как идейные, так и стилистические изменения, внесенные через сто лет, позволяют говорить о двух редакциях произведения — малаккской и джохорской.

Такова краткая, во многом гипотетическая и спорная конкретная история этого текста. Для того чтобы она стала яснее, требуется тщательный смысловой анализ разночтений, совокупное изучение всего состава текста и обобщающие объяснения цели и причины всех изменений и указания на их последовательность. Здесь же только намечен путь движения текста, что необходимо для выяснения историко-литературного значения памятника.

Почти все малайсты, начиная с XIX в. и до наших дней, признают в той или иной мере историческую значимость «Седжарах Мелайю». Действительно, это произведение во многом исторически достоверно; на его страницах действуют в основном реально существовавшие лица — султаны, государственные деятели, министры, придворные.

В нем можно найти ценные сведения о политической системе государства, о некоторых чертах быта и нравов средневековья. Согласно «Малайской истории», султан — «тень Аллаха на земле» — был единственным верховным правителем, неограниченным владыкой своих подданных и «единственно справедливым» судьей. Только он мог наказать или простить убийцу. Если же в княжествах, подвластных Малакке, совершалось убийство вельмож без ведома султана, то правитель того княжества платил за это своей жизнью.

Измена, бунт против султана считались самым тяжким грехом: «А всем малайцам наказал всевышний Аллах — мир ему — никогда не бунтовать и не отворачиваться от своего правителя, как бы дурно он ни поступал и как бы он ни был жесток» [33, 27]. Эти слова перекликаются с введенным в период Малаккского султаната в Малакке и других малайских княжествах юридическими нормами, согласно которым измена султану каралась 360 пытками, конфискацией имущества и обращением в рабство жен и детей изменника [40, 23]. Одновременно в произведении подчеркивается, что и сам султан должен был быть справедливым и не чинить расправ по собственному произволу. «Вот поэтому-то наказал всевышний Аллах — да восславится имя его — всем малайским князьям никогда не наносить оскорбления своим рабам, и, как бы ни был велик их грех, не следует их связывать, вешать или поносить дурными словами. А если правитель оскорбит своего раба, то это значит, что государство его погибнет» [33, 26].

Иллюстрацией этому служит рассказ о том, как по навету клеветников были убиты верные и преданные султану Махмуду люди (гл. 33), и тогда случилось самое трагическое событие в истории Малакки: ее захватили португальцы, «государство погибло».

Султан распоряжался не только судьбами своих подчиненных. Он был также верховным собственником земли и по своему усмотрению даровал владения своим чиновникам. Так, султан Мансур-шах отдал тун Пераку область Кланг, тун Хамзаху — область Буру (гл. 22), сери Нара Дирадж — Сенинг Уджунг (гл. 16).

С личностью султана в Малакке был связан особенно сложный придворный церемониал, определяющий его действия и поведение. С именем султана ассоциировалось все яркое, светлое, а поэтому только он и члены его семьи могли носить желтые одежды. Это стало нормой обычного права и вошло в законодательство всех малайских княжеств [40, 30, 74; 45, 100]. Особый ритуал был связан с возведением султана на престол: «После того как исполнилось 40 дней и 40 ночей, забили во все музыкальные инструменты и принесли воду для омовения, а сосуд, в котором находилась вода, был весь из чистого золота и драгоценных камней. И санг Супарбу вместе с его женой семь раз обнесли вокруг помоста, и Бат совершил над ними омовение. После омовения санг Супарба сменил всю одежду и одел на себя платье из парчи, а его жена Ван Сендари одела на себя кайн из ткани „буру даймани“. Оба — государь и государыня — облачились в царские одежды, уселись на золотой трон, и люди ударили в генданги и нобаты (особые барабаны в придворном оркестре. — *Е. Р.*) После возведения на престол все министры и военачальники оказали государю почести. Затем вынесли рис,

и государь с государыней отведали его. Окончив трапезу, Бат вставил символы величия в уши государя и государыни» [33, 28].

Любопытно, что все компоненты этого ритуала (омовение, пир, празднество, игра на музыкальных инструментах, обнесение вокруг помоста, чтение присяги верноподданности султану), восходящие ко времени индуистского влияния, почти в неприкосновенном виде сохранились и в мусульманской Малакке. Такое переплетение прошлого с настоящим было широко распространено в официальной практике Малакки. Так, султан там назывался «тенью Аллаха на земле», однако второй малаккский князь сохранил старинный титул «шри (сери) Махараджа», перенятый у правителей династии Шайлендра в эпоху Шривиджайи, когда влияние индийской культуры на малайскую было особенно сильным. В то время князь считался воплощением бога Индры [45, 2, 66].

В «Малайской истории» сохранилось и еще более архаичное представление о правителе как шамане. В ней рассказывается, как султан магическим образом превращает соленую воду в пресную (гл. 2), вызывает болезнь (гл. 15). Это сообщение подтверждается позднейшими исследователями. Уинстедт, например, пишет, что в малайском княжестве Перак в 1874 г. можно было еще наблюдать вполне обычную для того времени картину: султан выступал в качестве медиума на шаманском камлании [45, 63]. Такое сочетание местной традиции с индуистскими и мусульманскими веяниями отразилось и в «Малайской истории» в употреблении наряду друг с другом малайского «янг Дипертуан» (тот, кого считают господином), индийского «раджа», арабского «султан».

Султан, по описанию «Седжарах Мелайю», был окружен развитым аппаратом государственной власти, «стеной и опорой государства» [см. 40, 25] — многочисленными министрами, придворными, вельможами, чиновниками, военачальниками, судьями, стражниками, гонцами. В описании внутренней жизни дворца — центрального места действия — довольно четко обрисовывается картина развитого и сравнительно дифференцированного общества, сословной иерархии. Самым важным после султана лицом в государстве был бендахара, подчас обладавший большей реальной властью, чем султан, и направлявший политику государства. Особенно это относится к деятельности бендахары тун Перака, который сыграл выдающуюся роль в истории Малакки, осуществив основные завоевания султаната. К бендахаре переходили все prerogative султана во время отсутствия последнего. Немалую роль играли во дворце теменггунг, исполняющий главным образом функции министра внутренних дел и юстиции, лаксамана — командующий малаккским флотом и страж гарема и, наконец, пенгхулу бендахари — главный казначей. Весь пышный придворный штат представлен в многочисленных сценах торжественных приемов, обменов посланиями с другими государствами — как равными Малакке, так и зависимыми от нее. Четко установленный этикет, отражавший сословную иерархию, особенно ярко проявлялся во время придворных церемоний: «и государь повелел позвать бендахару Падука Раджу и сери Нара Дираджу, и все министры, вельможи, воины и евнухи, гонцы и военачальники тоже пришли и уселись в балае. Когда султан Мансур-шах вышел на прием, то все они встали со своих мест и смиренно поклонились; после этого султан Мансур-шах сел на свой трон, усыпанный драгоценными камнями; и вестник приказал всем знатым людям сесть, и тогда бендахара и сери Нара Дираджа со всеми остальными людьми сели каждый на свое место, как полагается по старинному и неизменному обычаю, а вестники встали у ног султана и держали в руках мечи, а все почтеннейшие капи-

таны судов и все старейшие княжеские слуги уселись в малом балае, и две государственные пики поставили на веранде и набросили на них тегампан (платок, который обычно носили придворные.— *Е. Р.*)» [33, 115].

«После оказания почестей (государю.— *Е. Р.*) первым садился бендахара, затем главный казначей, потом главный военачальник, а уже и после них — министры, вельможи, евнухи, воины, гонцы, военачальники — каждый соответственно своему сану, таков был обычай со стародавних времен» [33, 44].

Неустанно и с неизменной эмоциональностью автор «Малайской истории» перечисляет обязанности, титулы, родословные высших чиновников, в которых воплощался для него весь блеск государственной власти. Он поглощен описаниями дворца, ярких одежд и украшений придворных, торжественных и праздничных шествий султана в паланкине с атрибутами, символизирующими единство и величие державы: скипетром, мечом, копьем, зонтами, музыкальными инструментами.

Рассказы об обрядах одаривания царской одеждой по случаю возведения в определенный сан, удачного завоевательного похода или просто как выражение доброго отношения к посланникам из других стран, так же как и о трапезах (где едят по четыре человека из одного бананового листа и только бендахара вкушает свою еду один), дополняют бытовыми подробностями описание пышной жизни дворца. Много внимания уделено в «Малайской истории» праздникам и пирам — с обильным и щедрым угощением, музыкой, развлечениями. Вот одно из таких мест: «и Деманг Лебар Даун начал пир, сорок дней и сорок ночей он пил, ел, развлекался со всеми князьями, министрами, евнухами, гонцами, военачальниками и всем народом. И неистово звенели все музыкальные инструменты. И было зарезано несколько буйволов, коров, коз, овец, груды риса возвышались как муравейник, вода бурлила как в океане, а головы буйволов и коров были подобны островам» [33, 27].

Вскользь упоминаются в «Малайской истории» находившиеся во дворце рабы. Так, в гл. 27 говорится о том, как сурабайскому принцу была подарена рабыня, а в гл. 16 рассказывается, что у бендахары тун Мутахира было столько рабов, что он даже не всех знал в лицо. Здесь идет речь о рабах, используемых в качестве домашних слуг и телохранителей султанов и бендахар. Обычно такими рабами становились преступники, которые не могли возместить причиненный ими ущерб и отдавались в полное распоряжение султана. Необходимо подчеркнуть, что дворцовые рабы находились на особом положении: всякий, кто посмел ударить княжеского раба, подвергался смертной казни, тот, кто сманивал такого раба к себе, должен был возместить его стоимость в четырнадцатикратном размере [27, 248, 252; 35, 14—15]. Согласно Пахангскому уложению, никто не смел оказывать сопротивления княжескому рабу [40, 23, 25]; согласно Малаккскому уложению 1523 г., свободный человек, захвативший княжеского раба, сам подвергался закабалению [45, 69—70].

Живописуя двор — официальный, торжественный и праздничный, автор «Малайской истории» не утаивает и другой стороны его жизни — типичных для феодальной верхушки измен, раздоров и интриг, заговоров и убийств, порождаемых борьбой за власть, за влияние при дворе (обычно султан при жизни назначал наследника, но система наследования не была упорядочена, что вызывало борьбу за престол между многочисленными детьми султана от разных жен и наложниц). Из «Малайской истории» мы узнаем об убийствах придворных, о распрях между бендахарой и лаксаманой (гл. 22), о вероломстве султана

Махмуда по отношению к пахангскому князю (гл. 29), об убийстве регента при малолетнем султана Малакки и воцарении ставленника мусульманских торговцев раджи Касима (гл. 12), о страшной резне и истреблении семьи бендахары тун Мутахира (гл. 33). Естественно, что при таком внимании к придворной жизни из поля зрения автора почти исчезает более широкая панорама феодальной эпохи. Лишь отдельные скупые зарисовки создают картину пестрого и многолюдного порта, примыкающего ко дворцу, с непрерывными торговыми рядами и разнообразными товарами. Именно за счет торговли и торговых операций быстро росло богатство и могущество Малакки, о котором неоднократно говорится в «Малайской истории»: «И по всем подветренным и наветренным странам разнеслась весть о необычайном величии и процветании Малакки... И все князья стали прибывать в Малакку и являться на прием к Махмуд-шаху... И все купцы из наветренных и подветренных стран приезжали в Малакку, и необычайно многолюден был этот порт. А арабы называли его „Малакат“, что значит скопление товаров, потому что там было много разнообразных товаров» [33, 90]. В этом произведении рассказывается о численности населения Малакки (девять лакс, т. е. девяносто тысяч, или — в другом месте — девятнадцать лакс, т. е. сто девяносто тысяч), о пожарах в ней, о строительстве новых дворцов, борьбе с воровством в царствование султана Ала-уд-дина Рияят-шаха (гл. 23), о сносе многочисленных торговых лавочек, портивших вид города (гл. 33), и т. п. Отмечается в нем и достаточно пестрый этнический состав населения города. Особый квартал в Малакке занимали, в частности, выходцы из Индии. Индийские торговцы, сосредоточившие в своих руках значительную часть торговли Малакки, сумели составить влиятельную партию при султанском дворе и во многом определяли политику султанов (гл. 33). Прибывший в 1509 г. в султанат португалец Дьогу Лопиш ди Сикейра также отмечал, что «индийцы доставили преemного славы Малакке» [40а, 20].

В целом собранные в памятнике порой обширные, а порой лишь силуэтные зарисовки дают нам возможность всмотреться в черты быта и нравов, почувствовать биение пульса жизни того времени. Сведения, сообщаемые «Малайской историей», как было показано выше, часто подтверждаются как данными других источников, так и исследованиями европейских востоковедов, изучавших традиционные феодальные институты, сохранившиеся в ряде малайских княжеств до XIX в. в неизменном виде. Мельчайшие подробности из жизни той эпохи, разбросанные по всему произведению, эпизоды из жизни реальных людей, принадлежащих к различным социальным категориям, позволяют еще красочнее представить время складывания, расцвета и внезапного крушения Малаккского султаната.

Естественно, далеко не всегда следует понимать буквально сведения, сообщенные в «Малайской истории». В первую очередь потому, что почти весь ход истории, отраженный в ней, был искажен в угоду придворной историографии. Так, например, не может не вызвать сомнений те легкость, покорность и смирение, с которыми склоняются к «пыли ног высокочтимого властителя» Малакки китайский император, сиамский король или индийский раджа.

Кроме того, достаточно часто исторический материал в «Малайской истории» обрастает вымыслом и фантазией, насыщается сюжетами легендарного и сказочно-мифологического характера. Мифы, сказки, легенды занимают в памятнике место наряду с реальными событиями, подчас заслоняя их¹. Действительность в таком случае является как бы

¹ О сказочном и мифологическом материале в «Седжарах Мелайю» см. [5; 6].

кусом строительного материала, из которого посредством вымысла, восполняющего отсутствие настоящих знаний, с помощью традиционных изобразительных средств возводится легенда. Однако эта скрытая и завуалированная связь с реальными событиями в той или иной мере поддается исторической реконструкции, если прибегнуть к развернутому комментарию и к помощи других источников: иноязычных хроник, текстологических, эпиграфических, археологических свидетельств. Так можно восстановить отдельные вехи древнейшей истории Малайи, запечатленные в рассматриваемом нами памятнике.

Малаккские князья считали себя преемниками Шривиджайи (VII—XIII вв.). Этого названия нет в «Седжарах Мелайю», но вся предыстория султаната мыслится как история этой древнемалайской империи. Вполне понятно поэтому то внимание, которое уделяется этому периоду. Естественно также, что под пером автора «Малайской истории», вынужденного из-за отсутствия точных данных о давно прошедших временах исходить из народных сказаний, события той эпохи приобрели фантастические очертания.

Рассмотрим, например, легенду о борьбе индийского раджи Сурана (или Сулана и Чулана, совершавших те же самые деяния, в первой редакции произведения [см. 44, 48—54]) с сиамским князем Чуланом. В ней рассказывается о победоносном шествии индийского царя по малайским землям, завоевании им сиамских областей, попытке подчинить Китай (гл. 1). Перед нами клубок, сплетенный из множества имен, географических названий и событий, относящихся к разным временам эпохи Шривиджайя. Вполне возможно, что в описании этого похода нашли свое отражение опустошительные набеги (от которых Шривиджайя уже не смогла оправиться), совершенные в 1025 и 1068—1069 гг. царями южноиндийской династии Чолов (IX—XII вв.) на суматранские и малайские земли. Ряд ученых усматривают конкретную связь раджи Сулана с царем Раджендрой I Чола. Основанием для этого служит оставленная последним в Танджуре надпись, датируемая 1030—1031 гг. [41, I; 13, 5]. В ней перечислены разоренные Раджендрой области на Суматре и Малаккском полуострове. Совсем недавно эту же точку зрения еще раз высказал видный исследователь древнемалайской истории П. Уитли [39, 59].

Очевидно, все три имени — Сулан, Чулан и Суран — представляют собой варианты одного и того же слова «Чола». Однако, если в первой редакции имя Чулан относится к индийскому радже, то во второй его носит сиамский князь. В данном случае имя Чулан скорее всего восходит к названию старинного кхмерского государства Ченла (VI—XII вв.), располагавшегося в нижнем течении Меконга. В кхмерских надписях VIII в. говорится, что в это время Ченла подверглась нападению малайских пиратов с Явы. Под Явой в то время подразумевались собственно Ява, Суматра и Малаккский полуостров. А в одной яванской надписи говорится даже, что Камбоджа была захвачена яванским князем Санджаей [16, 94].

Поскольку же рассматриваемый нами памятник создавался в тот период, когда малайско-сиамские противоречия были очень острыми, то эти взаимоотношения и были спроецированы на борьбу малайских княжеств с северным соседом в далеком прошлом. Этим объясняется и такой анахронизм, как употребление названия «Сиам» при описании событий VII—XI вв., хотя оно могло появиться не ранее 1350 г. Название же «Ченла» ассоциировалось с именем «Чола», что в значительной степени облегчалось их фонетической близостью, и поэтому в разных редакциях мы встречаем имя Чулан, относящееся то к индийскому рад-

же, го к сиаемскому князю. Таким образом, в этой легенде слились воедино воспоминания о военных набегах Чолов на империю Шривиджайи и о борьбе Шривиджайи со своим северным соседом. Такое смещение исторических эпох (Ченла — VII—VIII вв., Чола — XI в.) имеет любопытную параллель в русских летописях, где часто смешиваются половцы и татары как общие враги Русского государства [см. 3, 91].

Другие легендарные сюжеты относятся к периоду распада Шривиджайи. Об этом говорит уже переход к рассказам о событиях в отдельных суматранских княжествах — Самудре, Пасая, Перлаке, которые Марко Поло не без основания считал обломками былой империи [2, 177]. Одной из причин падения империи Шривиджайи была агрессия тайского королевства Сукотаи в XIII в., особенно во время царствования Рамкамхенга (1283—1317), который стремился расширить свои владения на Малаккском полуострове за ее счет. Согласно монским хроникам, таи примерно с 1280 г. начали распространять свою власть на северные владения Шривиджайи [12, 24, 62, 132, 133], а к концу века (около 1295 г.), согласно китайским источникам, Рамкамхенг завершил завоевание Малаккского полуострова [16, 126]. Все эти сведения проясняют смысл легенды о пленении князя Самудры (гл. 7). В ней говорится о том, как в неволе его заставили следить за курами и как благодаря смирению, покорности и ценным подношениям со стороны его подданных князь был освобожден из плена, но позже изгнан из Самудры. В определенной степени эта легенда подтверждается тем, что среди многочисленных надгробий султанов Пасая и Самудры не обнаружено надгробие султана Малик-ул-Мансура [15, 400—417], т. е., согласно «Малайской истории», взятого в плен, а затем изгнанного из княжества. И интересно, что в других источниках говорится о зависимости от таи прежде всего северных малайских княжеств — Кедаха, Патани, Келантана, Тренггану, плативших ежегодную дань в виде золотых цветов — символа вассальной зависимости [16, 12].

«Малайская история» же дает нам заслуживающее внимания свидетельство о проникновении влияния таи и на Суматру. В этом плане ее сведения подтверждаются другим историческим произведением — «Повестью о пасайских раджах», где рассказывается об успешной борьбе Пасая с попытками таи поставить его в зависимое положение [18, 35].

В легендарной форме представлено в «Седжарах Мелайю» начало распространения мусульманства среди малайцев. В ней говорится, что из Джидды отправился корабль с шейхом, который после остановки в Мутабаре наконец попал в Самудру. В это время правителю Самудры снился сон, что пророк Мухаммад плюнул ему в рот; проснувшись, он ощутил вокруг себя запах нажда и произнес мусульманскую формулу вероисповедания (гл. 7). То, что первыми в Индонезии и Малайе были обращены в мусульманство северосуматранские княжества, отметил уже Марко Поло, побывавший на Суматре в 1292 г. [2, 177—178]. Самое древнее надгробие князя Самудры, носящего мусульманское имя, датируется 1297 г. [26а, 29], что также говорит о том, что уже в конце XIII в. Северная Суматра была исламизирована. Другие же области малайского мира приняли ислам значительно позже — в XV—XVI вв. Таким образом, рассматриваемый нами памятник подтверждает сообщение Марко Поло. Необходимо отметить, что содержащиеся в «Малайской истории» сведения о проникновении мусульманства в Индонезию являются самыми ранними в малайско-индонезийской историографии.

Легенда в «Седжарах Мелайю» указывает и путь, по которому новая вера пришла к малайцам. В ней говорится, что ислам в Индонезию проник из Индии, и даже более конкретно — из Южной Индии, а не

с Арабского Востока. Такой вывод позволяют сделать прежде всего некоторые текстологические данные. Мутабар — название вымышленного города, где останавливается корабль из Джидды, — в первой редакции произведения звучит как «Ма'абри». В этом виде оно восходит либо к названию «Малабар» (Юго-Восточная Индия) [26а, 33—34], либо к названию «Маабар» (Юго-Западная Индия). Еще в начале XX в. Снук Хюргронье на основе лингвистического анализа арабских и персидских заимствований в малайском языке высказал предположение, что мусульманство в Индонезию пришло из Индии, как некогда индуизм и буддизм [20]. Теорию об индийском происхождении мусульманства в Индонезии развил дальше Мокет, который изучал надгробные камни с высеченными на них арабскими изречениями и установил, что они были привезены из Камбая (Гуджарат, Северная Индия) [см. 28, 536—538]. Основываясь на исследовании Мокета, Р. А. Керн, Буке и другие ученые утверждали, что мусульманство в Индонезию пришло из Северной Индии [13а, 135—260; 23, 313]. Однако этому выводу противоречит сам характер мусульманских институтов в Индонезии, где большее распространение получило мусульманство суннито-шафийского (что в свое время было отмечено еще Ибн-Батутой [см. 21, 240]), а не ханифатского толка, характерного для Гуджарата и Северной Индии. Добавим к этому, что рассматриваемая нами индонезийская легенда настолько сходна с южноиндийскими сказаниями о бессмертном Перумале [см. 26а, 36] и о царе Черумане, что А. Х. Хилл ставит вопрос об общем их источнике [19, 10]. Кроме того, многочисленные и разнообразные сведения о постоянных связях Шривиджайи с Калингой, под которой в первую очередь подразумевалась Южная Индия (до сих пор в Малайе сохранился термин «оранг клинг», относящийся к выходцу из Южной Индии), достаточно убедительно говорят об особом влиянии Южной Индии на Малайю. Легенда, рассказанная в «Седжарах Мелайю», отражает, очевидно, наиболее ранний этап распространения мусульманства в Индонезии. Данные этого произведения, так же как и большинство других источников, говорят в пользу следующего предположения: с самого начала мусульманство в Индонезию шло давно знакомыми и хорошо проторенными торговыми путями — прежде всего с юга Индии. И уже значительно позже — только в XIV в., когда ислам окончательно завоевал позицию в Гуджарате, особенно в Камбае, — начинается активная миссионерская деятельность камбайских купцов в Индонезии [26а, 33—34].

Исторические аналогии и соотнесение с другими источниками позволяют увидеть истинный смысл и некоторых, имеющих, казалось бы, чисто художественное значение мифологических рассказов, например о нападении меч-рыбы на Сингапур (гл. 10). Это один из самых распространенных сюжетов в малайско-индонезийском фольклоре: в «Повести о ханг Туахе» говорится о нападении меч-рыбы на Индрапуру, в одной малайской рукописи (№ 162 из Батавского общества науки и искусства) — на Тарусан, а в «Родословной Берау» — на Пантай. В каждом из названных произведений этот миф аллегорически повествует о захвате неприятелем того княжества, на который нападает меч-рыба. В «Малайской истории» речь идет, видимо, о завоевании Сингапура яванцами в середине XIV в. В одной яванской хронике («Параратон») говорится о том, что Гаджа Мада, выдающийся деятель империи Маджапахит этого времени, намерен был захватить Тумасик (древнее название Сингапура), в другой («Нагаракертагама») добавляется, что Тумасик считался владением Маджапахита [см. 31, 17]. Неоднократные попытки яванцев захватить Сингапур отмечаются и в самой «Малайской исто-

рии», например в рассказе о состоящем из стружки, свернутой в виде серьги, подарке с Явы, истинный смысл которого раскрывается в самом произведении: «Маджапахит не считает нас за мужчин, поэтому посылает нам серьги» [33, 46]. Уже своим обращением к сингапурскому князю, как к младшему брату, яванский правитель стремился подчеркнуть его зависимое положение.

В китайской «Истории Юаньской династии» упоминается, что в 1377 г. сын правителя Тумасика махараджа Вули отправил посольство в Китай с просьбой санкционировать его восшествие на престол. Послу были вручены печать и полномочия, но будущий князь не получил их, так как послы были убиты яванцами [см. 31, 17]. В «Нагаракертагаме» указывается, что Сингапур был подчинен Маджапахитом в 1361 г. Сопоставление всех этих данных (учитывая постоянную серьезную неточность в хронологии «Нагаракертагамы») позволяет прийти к выводу, что символически описанное в «Малайской истории» событие имело место около 1370 г.

В «доисторической» части «Седжарах Мелайю» имеется немало отдельных замечаний, брошенных мимоходом, которыми, однако, нельзя пренебрегать, ибо они могут существенно дополнить имеющиеся в нашем распоряжении сведения. Некоторые такие сообщения были подтверждены позднейшими научными исследованиями. Приведем два примера. В гл. 6 упоминается о могильных камнях из Калинги, под которой, как отмечалось выше, подразумевалась в древности Индия. А в начале XX в. в бывшем пасайском княжестве действительно были обнаружены надгробные каменные плиты, исследование материала которых показало, что они камбайского (Гуджарат) происхождения. Очевидно, эти плиты были вывезены из индийских храмов, так как под арабскими изречениями еще сохранились фрагменты изображений индуистского стиля [см. 28, 536—538].

Не лишен достоверности, казалось бы, малозначительный рассказ о том, как Санг Нила Утама женился на принцессе с острова Бинтан и переселился в Сингапур (гл. 3). На это обратил внимание еще И. Г. Логан в середине XIX в. [цит. по 34, 13]. Предположение о том, что Сингапур был заселен переселенцами с о-ва Бинтан, — это лишь более конкретное выражение принятой в наше время гипотезы: «С VII—XIII вв. происходило интенсивное переселение на Малаккский полуостров с Восточной и Центральной Суматры этнических групп, ставших основными компонентами малайской народности» [4, 374].

Таким образом, исторические события древности, преломленные в виде легенд и преданий, как правило, переосмысленные в плане того, что было актуально в период оформления произведения, изложенные в определенной хронологической последовательности, но при полном отсутствии дат, приобретают характер отдаленных и обобщенных воспоминаний. Поэтому та часть памятника, в которой запечатлено его «доисторическое» время, не может служить полноценным и надежным историческим источником. Но в этих легендах и преданиях сохранилось историческое зерно и соблюдена та «мера историчности», которая позволяет опираться на них для разнообразных реконструкций и интерпретаций, если широко сочетать легендарные сведения с данными других источников.

Мы мало ошибемся и в том случае, если распространим это наблюдение и на собственно историческую часть произведения, где речь идет о событиях современных или почти современных написанию. Правда, эта часть памятника более конкретна, заметно суше и обстоятельнее, чем предыдущая. Но и здесь исторические рамки произведения лег-

ко раздвигаются, давая простор вымыслу и фантазии; реальные события подчас втискиваются в сказочно-мифологические сюжеты (например, легенда о сватовстве султана Махмуда к сказочной принцессе с горы Леданг, гл. 27). В изложении всей политической истории Малаккского султаната нужно строго отграничить содержательную сторону, которую можно воспринимать как фиксацию определенных событий, и форму, характер изложения событий, который выражается нередко в фантастических образах и сюжетах. Для восстановления картины, более или менее близкой к реальности, здесь также требуется сопоставление разных источников.

Из многочисленных легенд об отношениях Малакки и Китая немного можно почерпнуть, если смотреть на них глазами автора «Малайской истории». Это скорее занимательные рассказы, имеющие целью подчеркнуть, как минимум, равное положение Малакки. Так, в гл. 15 повествуется о том, как император послал в Малакку судно, в котором было столько игл, сколько народу на китайской земле, а в ответ на это Малакка послала судно, в котором было столько крупниц саго, сколько людей в Малакке. Из других мест «Седжарах Мелайю» мы узнаем, как хитрые и изобретательные малайцы смогли увидеть лицо китайского императора, что никогда не удавалось даже придворным последнего (гл. 15); как, заинтересованный в дружеских связях с мощным султаном, китайский император, напоминая о своих общих с малайскими князьями предках, считает за честь выдать свою дочь за малаккского князя, а малаккский султан позволяет себе посмеиваться над ним, посылая письмо с подписью *Sembah sahaja radja Melaka*, которую можно толковать двояко: «посылаю поклон я, ваш смиренный слуга, малаккский князь» и «поклон слуге малаккского князя» (гл. 15).

Трудно целиком полагаться и на китайские источники, которые, подробно освещая отношения двух государств, всячески подчеркивали зависимость Малакки от Китая. Китайские хроники пестрят постоянными сообщениями о миссиях и посольствах из Малакки с ценными дарами и подношениями [36, 17—19; 37 101]. Официальные визиты, любое проявление уважения китайские летописцы рассматривали как выражение покорности. По их сообщениям, каждый новый правитель Малакки должен был также являться для выражения верноподданнических чувств и просить признания своей власти [см. 1, 147; 42, 401; 43, 4].

Малайские, китайские, а также португальские источники едины в одном: китайцы были заинтересованы в добрых отношениях с Малаккой и постоянно посылали туда свои миссии. В «Малайской истории» прямо говорится об этом: «До Китая донеслась весть о величии Малакки, и китайский император послал своих послов в Малакку» [33, 138]. Учитывая сведения как малайских, так и китайских источников, а также представляя в общих чертах внешние связи Малаккского султаната, можно прийти к следующим выводам: несмотря на то что Малакка с первых дней своего существования признала верховную власть Китая, ее зависимость была формальной. Отношения между двумя государствами держались на взаимной выгоде: Китай преследовал коммерческие цели, так как ему удобно было сбывать свои товары в малаккском порту и иметь в своем распоряжении свободный перевалочный пункт по пути в Индию [38, 13], а Малакка обеспечивала себе таким образом надежную защиту от своего постоянно беспокойного соседа — империи таи.

Если события, происходившие в самой Малакке, как правило, облечены в легендарную оболочку, то тем более это имеет место, когда

речь идет о странах, далеких от Малайи. Вся 21-я глава посвящена Чамскому государству, расположенному на восточном побережье Индокитайского полуострова. В ней пересказываются чамские легенды о рождении принца из цветка арековой пальмы, о вскармливании его молоком коровы, о браке чамского принца Пау Геланга с яванской принцессой, о войне чамов с государством Кучи. В двух последних имеется, по-видимому, историческое зерно.

Из яванских хроник известно, что в 1292 г. чамский король Джайя-сингаварман III (1288—1307) был обручен с яванской принцессой Тапаси [9, 500]. В чамской же королевской хронике упоминается По Клаунг Гарай (как основатель ирригационной системы у чамов [7, 156]). Несомненно, существует связь между По Клаунгом чамской хроники, Пау Гелангом «Малайской истории» и Вô, о котором говорится во вьетнамской хронике [см. 25].

Во второй легенде скорее всего описывается борьба чамского государства с вьетнамцами. Кучи — это, возможно, одна из трех северных областей чамов, уступленных в середине XI в. Аннам. Современное название ее — Куанг-чи. Чамское государство вело длительную (XI—XV вв. с перерывами) борьбу с Аннамом, которая закончилась в 1471 г. полным покорением чамов последним. Об этом окончательном поражении и говорится в «Малайской истории». Там же сообщается, что, спасаясь от плена, часть населения из Чамского государства бежала в Аче и Малакку. Эти сведения нашли в дальнейшем подтверждение. А. Марр, развивая утверждение В. Марсдена об особом антропологическом типе ачесцев, произвел лингвистический анализ и установил ряд заимствований в аческом языке из чамского [25, 406—410]. Этот факт, по его мнению, свидетельствовал о том, что область Аче была частично заселена беженцами из Чамского государства. Современными исследованиями также установлено, что чамы составляли часть населения и в Малакке [26, 97].

Таким образом, мы видим, что для средневекового малайского хрониста история Малаккского султаната — это все, что связано с его государством, — действительное и легендарное. Автор не видит разницы между сказочно-мифологическим материалом, относящимся к незапамтным временам, и историческими фактами ближайшего времени. Прошлое в «Седжарах Мелайю» идет об руку с настоящим; это не нарушает стройности композиции всего произведения, но от него трудно ожидать точности, четкости и подлинной достоверности. Тут можно провести знак равенства с известным принципом Геродота: «Я сообщаю то, что слышу, но верить всему не обязан». Недаром автора «Малайской истории» за его литературное дарование называют малайским Геродотом [см. 14, 3—4].

Все сообщаемое в рассматриваемом нами памятнике требует каждый раз критического анализа. Поэтому «Седжарах Мелайю» нельзя назвать историческим трудом в современном смысле слова. Но она сохранила такие оттенки и штрихи в описании событий, которых лишены другие источники, претендующие на сухую и беспристрастную фактографию, а подчас и вносит существенные коррективы в сообщаемые ими сведения, чем значительно повышается историческая ценность этого произведения. В истории вряд ли вообще существуют источники, на которые можно полностью полагаться, если только это не специальные деловые документы. Поэтому, очевидно, должен идти двусторонний процесс: данные «Малайской истории» нужно сопоставлять с материалами других источников, но и те в свою очередь нужно соотносить с «Малайской историей».

Историческая литература малайцев неотъемлемой частью входит в общий комплекс малайско-индонезийской историографии, особенно значительный вклад в которую кроме них внесли яванцы и бугийцы. Крупнейший исследователь яванской историографии К. Х. Берг рассматривает ее развитие — от древних хроник «Параратон» и «Нагаракерта-гама» до хроник позднего средневековья — как эволюцию определенной, единой модели, сущность которой он видит в наложении «на первоначальную действительность структуры мышления» [11, 87]. Исторические описания в ней воплощаются в мифах, которые, по определению ученого, представляют собой социально усложненные лингвистические формы [11, 87—88] и являются неизбежной подготовительной фазой объективного описания реальных событий [8, 21]. Создатели яванских хроник были убеждены в магической силе своих произведений, в их способности оказывать влияние на ход событий в будущем. Прославление князя придворным хронистом и астрологом рассматривалось как своего рода магическая операция, усиливающая сверхъестественную силу князя. Поэтому форма изложения в яванских хрониках имеет, по мнению Берга, гораздо большее значение, чем необходимость следовать фактам [10, 145].

То же самое, как мы видели, в какой-то мере относится и к «Малайской истории», хотя вряд ли можно провести прямую параллель между яванской и малайской исторической литературой.

Еще меньшее сходство наблюдается между малайской и бугийско-макаassarской исторической литературой. В хрониках бугов и макассаров явно видно стремление освободиться от мифологического материала и приблизиться к фактологическому изложению. В них имеются даты и широко использованы придворные дневники и записи [см. 30, 137—143].

Таким образом, можно себе представить постепенное развитие историографии в малайско-индонезийском мире как путь от поэтических мифологических яванских хроник XIV в., выполняющих функцию магических книг, к малайской исторической прозе XV—XVI вв., еще имеющей обильный мифологический и легендарный материал, но уже лишенной магического значения, и, наконец, к бугийско-макаassarской историографии XVI—XVII вв., которая уже тяготеет мифами и легендами, стремясь быть более документальной. Взятые вместе, эти произведения литературно-исторического жанра образуют непрерывную общиндонезийскую историографическую традицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокшанин А. Л. Краткая история связей Китая со странами Южных морей,— сб. «Китай и соседи», М., 1970.
2. Книга Марко Поло, М., 1956.
3. Лихачев Д. С. Культура древней Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого, М., 1962.
4. Народы Юго-Восточной Азии, М., 1966.
5. Ревуненкова Е. В. Фольклорный компонент в малайской исторической хронике «Седжарах Мелаю»,— сб. «Фольклор и этнография», Л., 1970, стр. 91—104.
6. Ревуненкова Е. В. Мифологические источники средневекового малайского памятника «Седжарах Мелаю»,— сб. «Религия и мифология стран Дальнего Востока и Южной Азии», М., 1970, стр. 206—221.
7. Aymonier E. Legendes historique de chams,— «Excursions et reconnaissance», 1840, vol. XIV.
8. Berg C. C. De evolutie de javaansche geschiedschrijving,— MKNW, 1951, d. 14, № 2, стр. 19—21.
9. Berg C. C. De geschiedenis van pril Madjapahit, Indonesie, 1950—1951.

10. Berg C. C. Javaansche geschiedschrijving,—in: Stapel F. W., Geschiedenis van Nederlands Indie, Amsterdam, 1938, crp. 14—145.
11. Berg C. C. The javanese picture of the past,—in: «An introduction to the Indonesian historiography», ed. by Soedjatmoko, New York, 1965, crp. 70—81.
12. Blagden C. O. Siam and the Malay peninsula,—JRASSB, № 1, crp. 110—116.
13. Braddel R. An introduction to the study of ancient times in the straits of Malacca,—JRASMB, 1937, vol. XV, pt III, crp. 64—126.
- 13a. Bousquet G. H. Introduction a l'étude de l'Islam indonésien,—«Revue des études islamiques», Paris, 1938, cahiers 2—3, crp. 135—260.
14. Brown C. C. A Malay Herodotus,—BSOAS, 1948, vol. XV, crp. 3—4.
15. Cowan H. K. Een interessant getuigenis betreffende de vroegste Islam in noord Sumatra,—BTLV, 1961, afl. 117, crp. 410—417.
16. Coedes G. Les peuples de la péninsule d'Indochinois, Paris, 1962.
17. Gibson-Hill C. A. The Malay annals, the history brought from Goa,—JRASMB, 1956, № 29, pt 1, crp. 14—16.
18. Hill A. H. Hikayat radja-radja Pasai,—JRASMB, 1960, vol. III, pt 2.
19. Hill A. H. The coming of Islam to north Sumatra,—JSEAH, 1963, vol. 4, № 1, crp. 6—22.
20. Hurgronje H. C. Snoeck L'Arabie et les Indes Néerlandaises,—«Revue d'histoire de religions», 1908, vol. 57.
21. Ibn-Bathouta Description de l'archipel d'Asie, Paris, 1847.
22. Josseling de Jong P. E. The character of Malay Annals,—in: «Malayan and Indonesian studies», Oxford, 1964, crp. 235—241.
23. Kern R. A. De verbreiding van de Islam,—in: Stapel F. W., Geschiedenis van Nederlands Indie, Amsterdam, 1938, crp. 100—314.
24. Linehan W. Notes on the text of the Malay Annals,—JRASMB, 1947, vol. XX, pt 2, crp. 107—117.
25. Marre A. Madjapahit et Tchampa,—«le Museon», 1895, vol. XIV, crp. 342—351, 395—410.
26. Marrison G. E. The Chams of Malacca,—JRASMB, 1951, vol. XXIV, pt 1, crp. 90—98.
- 26a. Marrison G. E. The coming of Islam to the East Indies,—JRASMB, 1951, vol. XXIV, pt 1, crp. 29—40.
27. Maxwell W. E. The law relating to the slavery among the Malays,—JRASSB, 1880, v. 22, crp. 247—256.
28. Moquette I. R. De grafsteen te Pase en Grisee vergeleken met de dergelijke monumenten uit Hindoestan,—TTLV, 1912, d. 54, afl. 56, crp. 536—548.
30. Noorduyt J. Origins of the South Celebes historical writing,—in: «An introduction to the Indonesian historiography», ed. by Soedjatmoko, New York, 1965, crp. 137—143.
31. Pigeaud Th. Java in the 14 century. The Nagarakertagama, The Hague, 1960, vol. 3.
32. Roolvink R. The variant versions of the Malay Annals,—BTLV, 1967, d. 123, afl. 3, crp. 300—313.
33. Sedjarah Melaju, Djakarta, 1952.
34. Swettenham J. British Malaya, London, 1929.
35. The piracy and slave trade of the Indian Archipelago,—JEAIA, 1847, vol. I, crp. 4—15; 1849, vol. III, crp. 581—588, 629.
36. Wang Gung-wu The first three rulers of Malacca,—JRASMB, 1968, vol. 41, pt 1, crp. 11—23.
37. Wang Gung-wu The opening relations between China and Malacca,—in: «Malayan and Indonesian studies», Oxford, 1964, crp. 87—105.
38. Wang Gung-wu Malaysia, Kuala Lumpur, 1964.
39. Wheatley P. Desultory remarks on the ancient history of the Malay peninsula,—in: «Malayan and Indonesian studies», Oxford, 1964, crp. 33—76.
40. Winstedt R. O. and Kempe S. A. A Malay legal digest compiled for Abd-al-Ghafur Muhajuddin Shah, sultan of Pahang, 1592—1614,—JRASMB, 1948, vol. 21, pt 1, crp. 1—68.
- 40a. Winstedt R. O. Malaya and its history, London, 1957.
41. Winstedt R. O. An outline of the Malay Annals,—JRASMB, 1938, vol. XVI, pt III, crp. 18—27.
42. Winstedt R. O. A history of Malaya,—JRASMB, 1935, vol. XIII, pt I, crp. 1—254.
43. Winstedt R. O. Malay history from chinese sources,—BSOAS, 1947, vol. 12, pt 1, crp. 181—183.
44. Winstedt R. O. The Malay Annals,—JRASMB, 1938, vol. XVI, pt 3, crp. 42—226.
45. Winstedt R. O. The Malays. A cultural history, London, 1950.
46. Winstedt R. O. The preface of the Malay Annals,—JRASMB, 1938, vol. XVI, pt 3, crp. 35—42.